

THE BONGARD-LEVIN INTERNATIONAL INSTITUTE
OF THE CLASSICAL WORLD

SCRIPTA ANTIQUA

Ancient History, Philology,
Arts and Material Culture

The Almanac

Volume Ninth

Sobranie
Moscow 2021

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИЧНОГО МИРА
ИМЕНИ Г.М.БОНГАРД-ЛЕВИНА

SCRIPTA ANTIQUA

Вопросы древней истории, филологии,
искусства и материальной культуры

Альманах

Том девятый

Собрание
Москва 2021

НАУЧНЫЙ СОВЕТ:

Г.Бауэрсок (США), *Ж.-Ш.Балти* (Бельгия), *М.Д.Бухарин* (Россия),
П.Дюкре (Швейцария), *П.-Ф.Кальери* (Италия), *Н.Н.Казанский* (Россия),
М.Марот (Венгрия), *Г.Парцингер* (Германия), *С.Розен* (Швеция),
Н.Симс-Виллиамс (Великобритания), *И.Х.Урилов* (Россия),
Л.Ханнестад (Дания), *М.Хатзопулос* (Греция), *Ш.Шакед* (Израиль)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

М.Д.Бухарин

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Ю.Алексеев, *В.Г.Ананьев*, *Н.П.Гринцер*, *Д.В.Журавлев*, *А.А.Завойкин*,
С.Г.Карпюк, *Л.Л.Кофанов*, *И.А.Ладынин*, *А.В.Муравьев*, *А.А.Немировский*,
А.В.Подосинов, *И.Е.Суриков*, *С.Ю.Сапрыкин*,
М.М.Чореф (ответственный секретарь)

SCIENTIFIC COUNCIL:

G.W.Bowersock (USA), *J.-Ch. Balty* (Belgium),
M.D.Bukharin (Russia), *P.Ducrey* (Switzerland),
L.Hannestad (Denemark), *M.Hatzopoulos* (Greece),
P.-F.Callieri (Italy), *N.N.Kazansky* (Russia),
M.Maróth (Hungary), *H.Parzinger* (Germany),
S.Rosen (Sweden), *N.Sims-Williams* (Great Britain),
S.Shaked (Israel), *I.Kh.Urilov* (Russia)

EDITOR-IN-CHIEF

M.D.Bukharin

EDITORIAL BOARD:

A.Yu.Alexeev, *V.G.Ananiev*, *M.M.Choref* (executive secretary),
N.P.Grintser, *D.V.Zhuravlev*, *A.A.Zavoykin*, *S.G.Karpyuk*,
L.L.Kofanov, *I.A.Ladynin*, *A.V.Muravyev*, *A.A.Nemirovsky*,
A.V.Podosinov, *S.Yu.Saprykin*, *I.E.Surikov*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО ВОСТОКА

- Б.Е.Александров*
Старость и старые люди в хеттских текстах 11
- А.А.Немировский*
Ретроспективное титулование как способ градуирования
статуса правителя в среднеассирийской монархии. 48
- Е.Ш.Акымбек, Б.А.Железняков*
Случайная находка буддийской бронзовой подвески
на городище Актобе Степнинском 61
- О.Б.Вахромеева*
Трансформация сюжетов и мотивов японской волшебной
сказки об обезьяне и крабе на основе сопоставительного
анализа переводов «мукаси банаси» с языка оригинала
на русский и английский языки 73
- О.В.Овсянников, В.Г.Шапошник, Ю.В.Зайончковский*
Новые данные о перечеке канке джучидских серебряных
монет в конце правления Токтамыша. 100

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ВОСТОК

- О.А.Васильева*
Александр-Гелиос или Александр-Диоскур? Бронзовая
статуэтка из собрания ГМИИ им. А.С.Пушкина. 113

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

- А.Ж.Арутюнян*
Италия по данным «Древнеармянской географии»
(«Ашхарацуйц») 131
- Н.И.Николаев*
«Борисфены» Ольвии. 140
- М.В.Скржинская*
Купцы и трапезиты в Ольвии и в городах Боспора. 186

М.Ю.Трейстер

Греческие бронзовые сосуды второй половины VI–V вв.
до н.э. и их фрагменты из Ольвии, Березани и скифских
курганов Побужья и Приднепровья 211

С.А.Яценко, М.М.Чорелф

К атрибуции «портрета Адриана в лавровом венке»
из собрания Государственного Эрмитажа 264

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

С.Б.Чебаненко

Райский сад и райские яблоки? Монастырский сад
и его восприятие в Древней Руси 279

В.Г.Ананьев

Семантика архитектурных форм как объект антирелигиозного
показа: Ф.И.Шмит о музеефикации Исаакиевского собора. 312

А.С.Сиренко

Вклад художников киммерийской школы живописи
М.А.Волошина, К.Ф.Богаевского, Н.С.Барсамова
в изучение исторического, археологического
и архитектурного наследия Крыма. 329

ИСТОРИЯ НАУКИ

М.Н.Кириллова

Древность в академическом проекте
«Истории СССР» (1938–1941) 345

А.В.Ашаева

Рецепция античности: история изучения и перспективы

С.Г.Карпюк

Политика и наука: передовицы в первое десятилетие существо-
вания «Вестника древней истории» (1937–1947 гг.) 357

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

Гекатей Милетский. Фрагменты.

Перевод с древнегреческого и комментарии *И.Е.Сурикова* 377

РЕЦЕНЗИИ

В.П.Любин

Рецензия: *Mare Nostrum. Соль Средиземноморья.*

М.: ИВИ РАН, 2019. – 153 с. 485

CONTENTS

HISTORY AND PHILOLOGY AND ANCIENT ORIENT

- B.E.Alexandrov*
Old Age and Old People in the Hittite Texts 11
- A.A.Nemirovsky*
Retrospective Titling as a Way of Grading the Ruler Status
in the Middle Assyrian Monarchy 48
- E.Sh.Akymbek, B.A.Zheleznyakov*
Buddhist Bronze Charm Pendant from the Medieval Site
of Aktobe (Shu River Valley) 61
- O.B.Vakhromeeva*
Transformation of Plots and Motifs of the Japanese Fairy Tale
about the Monkey and the Crab Based on a Comparative Analysis
of the Translations of “Mukashi Banashi” from the Original
Language into Russian and English 73
- O.V.Ovsyanikov, V.G.Shaposhnik, Yu.V.Zayonchkovskiy*
New Data about Restrike of Juchid Silver Coins at the End
of the Reign of Toqtamish Khan 100

HELLENISTIC ORIENT

- O.A.Vasilyeva*
Alexander-Helios or Alexander-Dioskuros? A Bronze Statuette
from the Collection of the State Pushkin Museum
of Fine Arts, Moscow 113

NORTHERN BLACK SEA REGION

- H.Zh.Harutyunyan*
Italy According to “Ancient Armenian Geography”
 (“Ashkharatsuyts”) 131
- N.I.Nikolayev*
The “Borysthenes” of Olbia 140
- M.V.Skrzhinskaya*
Merchants and Trapezitai in Olbia and Bosphoros 186

- M.Yu.Treister*
Greek, Italic and Etruscan Bronze Vessels and their Fragments
of the Second Half of the 6th – 5th Century BC from Olbia, Berezan
and Scythian Burial-Mounds of the Bug and Dnieper Basins 211
- S.A.Yatsenko, M.M.Choref*
On the Attribution of “Portrait of Hadrian in a Laurel Wreath”
from the Collection of the State Hermitage 264

HISTORY OF WORLD CULTURE

- S.B.Chebanenko*
Garden of Eden and Heavenly Apples? The Monastery Garden
and its Perception in Early Medieval Russia 279
- V.G.Ananiev*
The Semantics of Architectural Forms as an Object of Antireligious
Exhibition: F.I.Shmit on Musealisation of St. Isaac’s Cathedral . . . 312
- A.S.Sirenko*
Contribution of Artists of the Cimmerian School of Painting M.A.Vo-
loshin, K.F.Bogaevsky, N.S.Barsamov in the Study of Historical,
Archaeological and the Architectural Heritage of Crimea 329

HISTORY OF SCIENCE

- M.N.Kirillova*
Antiquity in the Academic Project “History
of the USSR” (1938–1941) 345
- A.V.Ashaeva*
Reception of Antiquity: History of Study and Perspectives. 357
- S.G.Karpyuk*
Politics and Science: Advances in the First Decade
of “Vestnik Drevnei Istorii” (1937–1947) 377

PUBLICATIONS AND TRANSLATIONS

- Hecataeus of Miletus. Fragments
Translation from Ancient Greek and Comments by *I.E.Surikov* . . . 393

REVIEWS

- V.P.Lyubin*
Our Sea: Case Studies of the Mediterranean Universum of West
and East on the Pages of New Almanac. Review: Mare Nostrum.
Salt of the Mediterranean. M. : IVI RAS, 2019 . – 153 p. 485

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО
И СРЕДНЕВЕКОВОГО ВОСТОКА

О.Б.Вахромеева

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЮЖЕТОВ И МОТИВОВ
ЯПОНСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ ОБ ОБЕЗЬЯНЕ
И КРАБЕ НА ОСНОВЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО
АНАЛИЗА ПЕРЕВОДОВ «МУКАСИ БАНАСИ»
С ЯЗЫКА ОРИГИНАЛА НА РУССКИЙ
И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ

Исследование фокусируется на трансформации сказочных сюжетов и мотивов японских вариантов «мукаси банаси» от первоначальной борьбы за еду (хурму и рисовую лепешку), что было связано с переходом от периода собирательства к земледелию в V в. н.э., до повествования о мести краба обезьяне, соотносящейся с японским обычаем добродетельной мести и социальной напряженностью в обществе эпохи феодализма. Кроме того, сопоставительный анализ переводов «мукаси банаси» с языка оригинала на русский и английский языки демонстрирует изменение сюжетов и мотивов с целью адаптации памятника иной народной культуры к национальным образам, верованиям и представлениям народов России и англоязычных народов. Сказка служит своеобразным фольклорным маркером, а также средством наиболее полного выражения основных идей народной культуры, позволяющим ретранслировать в современность актуальные традиционные народные представления в том числе с целью формирования новых художественных ценностей. Такой подход напоминает универсальный механизм, поддерживающий национальную индивидуальность, а «мукаси банаси» выступает одним из объектов сохранения культурной памяти японского народа уже в XXI в.

Ключевые слова: волшебная сказка, мукаси банаси, Япония, сопоставительный анализ, перевод, сюжет, мотив

«Мукаси банаси» – «воспоминание о прошлом», которое позволяет японцам руководствоваться верой в целостность картины мира и гармонично жить в нем. Японская волшебная сказка об обезьяне и крабе имеет много вариантов прочтения и несколько названий («Обезьяна и

Вахромеева Оксана Борисовна – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна; ул. Большая Морская, 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; voxana2006@yandex.ru; +7 (812) 315-75-25.

краб», «Мечь краба», «Сражение обезьяны и краба», «Ссора обезьяны и краба»). Она представляет собой двухчастный фольклорный источник, каждая часть которого связана с самостоятельными сказками, встречающимися почти у всех народов Азии.

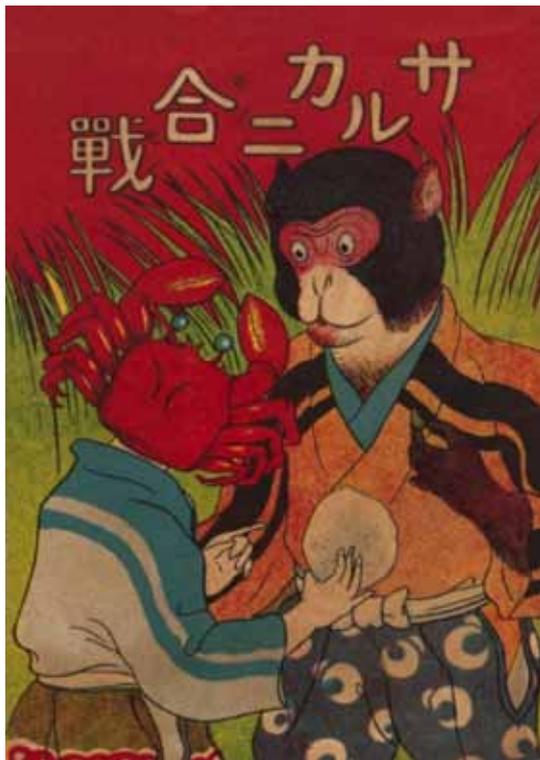

Рис. 1. Обложка сказки «Битва Краба и Обезьяны» /戦合カニサル [Битва Краба и Обезьяны]. 東京 [Токио], 1927. 7 с. (на японском языке) / Электронная копия текста сказки по запросу от 07.04.2019 в Национальную библиотеку Японии: <http://www.ndl.go.jp/en/index.html>

В «Указателе сказочных сюжетов» финна Антти Аарне (1910 г.) сказка об обезьяне и крабе отнесена к азиатскому типу мести (в противовес – европейскому, например, описанном в сказке «Зимовье животных»); фольклорист считал, что у нее существовал азиатский подтип. Японская исследовательница Сайто Кимико установила, что в японской традиции он впервые встречается в сказке «Мечь воробьихи»;

по классификатору АТУ («Типам международных сказок») он имеет номер 210 или по ИТ («Указателю сюжетов японских сказок») 525. По изданию Ганса Йорга Утера («The types of international folktales. A classification and bibliography», 2004 г.) сказка «Борьба между обезьяной и крабом за хурму» имеет индекс ИТ 522А¹.

БИТВА КРАБА И ОБЕЗЬЯНЫ
(Перевод Б.А.Вахромеева, 2019 г.).

Однажды Обезьяна и Краб встретились на равнине. Краб подобрал хурму. Увидев это, Обезьяна отобрала хурму и съела ее, а затем отдала Крабу семечку. Краб то хурмы семя посадил.

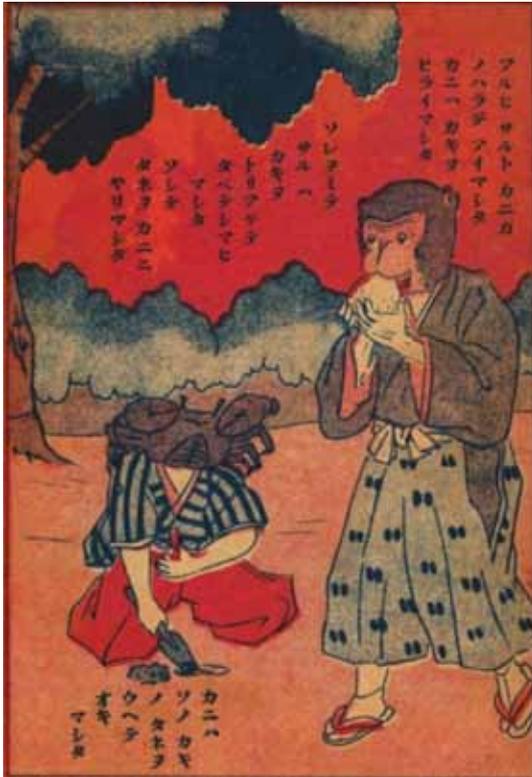

Рис. 2. <http://www.ndl.go.jp/en/index.html>

¹ Сайто 1994: 63–65.

Краб поливал, удобрял семечку, и тогда выросло большое хурмовое дерево. Однажды осенью хурмовое дерево, которое сделалось совсем большим, стало приносить вкусные плоды.

Рис. 3. <http://www.ndl.go.jp/en/index.html>

Однажды пришла Обезьяна и Краб попросил ее: «Достань мне хурму». Обезьяна забралась на дерево, сама взяла вкусную хурму, съела ее, а в Краба бросила вяжущую хурму, повалила его, попав ему в голову, и тот умер.

Рис. 4. <http://www.ndl.go.jp/en/index.html>

Ступка узнала, что Краб был убит. Маленький Краб очень огорчился. Ступка, Оса и Каштан, посетив дом отца Краба, решили ударить по врагу отца².

² Данная фраза в переводе с японского языка может означать пожелание хорошей и безветренной погоды.

Рис. 5. <http://www.ndl.go.jp/en/index.html>

Однажды Каштан пришел в дом Обезьяны. Обезьяна была у себя, и увидев в очаге вкусную вещь, решила без промедления взять ее и съесть. Невнимательная Обезьяна не увидела, как один кусочек Каштана³ бросился ей на ногу и обжег ее.

³ Японские каштаны или городчатые каштаны в каждой колючей плюске вмещают три ореха.

Рис. 6. <http://www.ndl.go.jp/en/index.html>

Обезьяна выбежала из дома, но Ступка схватила ее, а Оса вонзилась в нее. Благополучно молодой Краб смог сразить врага своего отца».

Рис. 7. <http://www.ndl.go.jp/en/index.html>

Первая часть сказки, в которой говорится о ссоре обезьяны и краба из-за еды (хурмы и / или рисовой лепешки), заканчивается сюжетным поворотом о том, почему у обезьян на некоторых частях тела нет шерсти. Она была известна в Японии с I тыс. до н.э. Считается, что концовка древней сказки была утрачена. Ее заменила вторая часть фольклорного произведения, повествующая о мести краба или друзей краба обезьяне. Чтобы сказка или ее элемент стали частью японского эпоса понадобилось длительное время, за которое народ сложил несколько десятков сюжетных линий о мести краба. Примечательно, что обе части рассказываются отдельно на многих языках мира, но только на японском языке сказка звучит единым монолитным памятником, при этом и первая, и вторая части продолжают сохранять свои вариации⁴.

⁴ Сайто 1994: 72–73.

Сказка об обезьяне и крабе была знакома читающей японской публике. Она печаталась не один раз (выходила на катакане⁵, хирагане⁶ и при помощи иероглифики⁷ на гектографе). Каждый раз текст сопровождали искусные иллюстрации, сделанные на основе получившей широкое распространение хромоксилографии. Большое разнообразие видов публикаций японских сказок было связано с тем, что исследователи японского языка стремились сделать язык более понятным для самих японцев (прежде всего женщин и детей как в большей степени малограмотных), а также иностранцев. Для последних еще в середине 1880-х гг. была предпринята попытка введения звуковой латинской письменности (этим занималось общество под названием «Ромадзикавай»), но японцы предпочли нововведениям сохранить свои национальные силлабические азбуки (хирагану и катакану) с иероглификой⁸.

Еще в конце XIX в. текст сказки об обезьяне и крабе был впервые переведен на английский язык (1887 г.). Тогда имел место специальный проект токийского издателя Т.Хасегавы⁹: с 1885 г. по 1899 г. он издал 21 японскую сказку на английском языке. В наши дни они составляют первый том японских сказок собрания Нью-Йоркской Публичной библиотеки¹⁰. В 1927 г. вышло второе издание «мукаси банаши» на английском языке¹¹.

В 1903 г. жившая в США дочь богатого японского аристократа Ией Теодора Одзаки издала на английском языке 22 старинные японские сказки под названием «Японская книга сказок», в 1908 г. переизданная в США под другим названием «Японские сказки»¹². Среди оборотней, самураев и чертей ее заинтересовала сказка об обезьяне и крабе.

Большое значение для сохранения фольклорного наследия имела литературная обработка японских волшебных сказок, которой занимался крупнейший детский писатель Японии рубежа XIX–XX вв. Суэо Ивая (1870–1933) с литературным именем Садзанами Сандзин («Зыбь большой реки»). Народные сказки и легенды в его редакции выходят уже второе столетие подряд, они переведены на многие языки мира. Российский кадровый офицер, знаток японской поэзии и литературы В.М. Мендрин (1866–1920) в 1908–1910 гг. впервые перевел 24 ав-

⁵ Битва Краба и Обезьяны 1925.

⁶ Битва Краба и Обезьяны 1893.

⁷ Битва Краба и Обезьяны 1924.

⁸ [К. Вл.] 1904: 768.

⁹ Битва Обезьяны и Краба 1887.

¹⁰ Коллекции Нью-Йоркской Публичной библиотеки.

¹¹ Сражение Обезьяны и Краба 1927.

¹² The Japanese Fairy 1908.

торских сказания японского сказочника на русский язык. Переводчик сумел распознать готовый легендарный, мифический, исторический, бытовой и религиозный материал под талантливой художественной обработкой. В.М.Мендрин замечал, что «большой мастер слова, умеющий пользоваться всеми ресурсами своего языка», Суэо Ивая «сумел придать легенде особый колорит художественности и, оставаясь безусловно верным исторической правде, ни на йоту не отступая от нее, представил ее в художественных, метко очерченных образах и картинах в виде художественно-литературного произведений»¹³.

В 1923 г. талантливый японский писатель и критик Рюносэ Акутагава (1892–1927) перевел сказку об обезьяне и крабе, назвав ее «Сражение обезьяны и краба», причем фольклорное произведение приобрело черты политического памфлета, в завершении которого автор, отмечая расстановку сил в стране, замечал: «В конце концов дело опять может дойти до сражения краба с обезьяной, и как бы ни сложилось дело, единственный непреложный факт – это то, что краб неизбежно будет убит во имя родины»¹⁴.

В 1938 г. в токийском издательстве Хокусэйдо были опубликованы 12 японских сказок, которые представляли собой переводы на английский язык литературных переработок Садзанами Садзина. Среди них была и сказка «Месть Краба»¹⁵.

В 1939 г. знаменитый японский этнолог Янагида (Янагита) Кунио (1875–1962) опубликовал книгу под названием «Заметки о сказке “Обезьяна и краб”»¹⁶, которая открыла собой серию исследований по «мукаси банаси». В 1939 г. Янагида Кунио имел уже несколько десятков оригинальных тестов с различными вариантами сказки об обезьяне и крабе, но его научная заслуга заключалась не только в очередной публикации варианта «мукаси банаси», а в том, что исследователь подтвердил свою приверженность идее всестороннего изучения этнологии Японии¹⁷.

В 1935 г. Янагида Кунио основал всеяпонское «Фольклорное общество», его членами стали около 120 этнологов¹⁸. Работа над сказкой «Обезьяна и краб» относится к данному периоду его жизни. Исследователь предпринял изучение сказки в хронологическом аспекте; ему предстояло выяснить, какой объект был первоначальным для древних японцев – рисовая лепешка или хурма. Янагида пришел к выводу, что

¹³ Мендрин, Садзанами Сандзин 2015: 5.

¹⁴ Акутагава.

¹⁵ Месть Краба 1938.

¹⁶ Кунио 1939.

¹⁷ Мешеряков 2017: 223–225, 252.

¹⁸ Мешеряков 2017: 243.

в начале была борьба из-за еды, и на первое место поставил рисовую лепешку. Но по мнению, К.Сайто, он не учел, что существовали варианты сказки, в которой вовсе не было речи о рисовой лепешке, а говорилось только о плоде «каки» (хурме)¹⁹. Кроме того, если рассматривать рис как сельскохозяйственную культуру и связывать его с земледелием, а хурму с собирательством, то надо отметить, что последнее предшествовало земледелию²⁰. Также Янагида высказал предположение о том, что сказка имеет две части и первая, как наиболее древняя, утратила свою первоначальную концовку, но получила несколько вариантов новой концовки, которые были заимствованы из фольклора народов Азии. Это предположение разделяют большинство исследователей²¹.

В 1941 г. в Токио вышло второе монографическое исследование о сказке «Обезьяна и краб», ее автором был известный японский фольклорист Сэки Кэйго (1899–1990)²². Его полное собрание «великих» сказок Японии было опубликовано в Токио в 1957 г.²³; издание отличало разнообразие сказок и легенд и системный научный подход к жанровой дифференциации фольклорных источников.

Этнограф Сэки Кэйго был уроженцем префектуры Нагасаки и окончил университет Тойо. В своей профессиональной деятельности по собиранию японских фольклорных источников он руководствовался принципами, выработанными Янагида Кунио, у которого он работал, но не редко оба ученых приходили к разным выводам относительно одних и тех же сказок. Сэки заинтересовался классификацией японских сказок по системе «Аарна–Томпсона». В 1928 г. он опубликовал книгу под названием «Коллекция японских народных сказок», переизданную с дополнениями в 1961 г. У Сэки Кэйго было много учеников, в частности, Ю.Махира, который издал в 1980 г. сборник статей учителя²⁴. Примечательно, что относительно сказки об обезьяне и крабе и Сэки, и Махира держались точки зрения Янагида о том, что первая часть сказки о борьбе за рисовую лепешку (а не за хурму) возникла собственно в японской фольклорной традиции, а двухчастная сказка «Обезьяна и краб» появилась много позже в результате неоднократных заимствований²⁵.

В 1994 г. и 2016 г. на русском языке вышли две статьи японской

¹⁹ Сайто 1994: 63–64.

²⁰ Сайто 1994: 64.

²¹ Сайто 1994: 65.

²² Кэйго 1941.

²³ Кэйго 1957.

²⁴ Махира 1980.

²⁵ Сайто 1994: 65.

исследовательницы Сайто Кимико, которые посвящены, несмотря на 22-летний временной разрыв, единой теме заимствования и сравнительно сюжетов и мотивов двух частей сказки об обезьяне и крабе с подобными произведениями народов Азии и Сибири.

Первая статья под названием «Сравнительное исследование японской сказки «Обезьяна и краб» с вариантами других народов» на большом этнографическом и культурологическом материале подводит к мысли о том, что только в японской традиции японская сказка рассказывается целиком, тогда как у других народов она существует в виде двух самостоятельных сказок²⁶. К.Сайто рассмотрела вслед за Р.Адамсом пути проникновения «мукаси банаси» в Японию, выяснив при этом, что заимствование сказки из Индии не может быть связано исключительно с приходом буддизма. Начиная с I тысячелетия до нашей эры, сказочный сюжет медленно «двигался к Востоку», и в Японию он мог проникнуть двумя путями: 1) Китай – Корея – Япония (что более вероятно для первой части сказки), 2) Индонезия – Япония (больше относится ко второй части сказки)²⁷. Время прихода сказки в Японию определяется исследовательницей по типу керамики «культуры яей» (между 1000 г. до н.э. и 250 (300) г. н.э.). К.Сайто полемизировала с Янагида из-за первичности сюжета о хурме (а не о рисовых лепешках); в качестве аргумента выдвигается первенство эпохи собирательства. Она останавливается отдельно на своеобразном мотиве – конфликте между животным, могущим лазать вверх (например, по деревьям хурмы) и животным, не умеющим это делать. Обезьяна, которая умеет лазать вверх, имеет преимущество над крабом, следовательно, культура собирателей преобладала над культурой земледельцев²⁸.

Во второй статье под названием «Магическая функция японской сказки «Мечь воробьихи» в сопоставлении со сказками народов Северо-Восточной Азии» Сайто Кимико продолжает на значительном фольклорном материале сравнивать сюжеты и мотивы сказки об обезьяне и крабе, сфокусировавшись на ее второй части, в которой речь идет о мести краба. Вторая часть рассматриваемой «мукаси банаси» представляет самостоятельную японскую сказку – «Мечь воробьихи», у которой существует довольно много аналогов у различных народов Азии. Исследовательница обращает внимание на одну деталь: воробьиха отправляется в дорогу, чтобы отомстить злому духу «Они», съевшему ее яйца. Фраза «съеден злым духом» может быть пере-

²⁶ Сайто 1994: 78.

²⁷ Сайто 1994: 72.

²⁸ Сайто 1994: 67–68.

ведена с японского, по мнению Сайто, как «погиб из-за стихийного бедствия». Следовательно, «Они» играет роль стихийного явления. Известно, что народы Азии больше всего боялись сильного ветра. Используя сопоставительное изучение сказочного материала, был обнаружен скрытый подтекст: «Мечь воробыхи» и вторая часть сказки об обезьяне и крабе (где говорится о сговоре отмщения старых друзей краба и сборах в дорогу) были направлены на восстановление хорошей погоды²⁹. Данную точку зрения впервые высказал японский исследователь фольклора Кодзима Иосиюки в работе 1987 г. Схожую позицию имеет и современный этнолог Т.Онохара (2010 г.)³⁰.

Согласно периодизации востоковеда В.М.Мендрина, волшебная японская сказка об обезьяне и крабе относится к типу этических или религиозных сказаний, касающихся «исключительно внутренней духовной жизни человека, и в них ясно отражено все его мировоззрение. Те моральные принципы, которые применялись в жизни, которыми жил народ, опоэтизированы в этих сказаниях и запечатлены в них навеки»³¹.

В российской переводческой традиции за сказкой об обезьяне и крабе надолго закрепился перевод В.М.Мендрина, который тот сделал с художественно переработанного фольклорного источника в 1910 г. Сказка носит название «Мечь краба». Переводчик работал с художественным и литературно обработанным сказанием, которое создал для японских детей Суэо Ивая. В его переводе 13 страниц, текст сопровождают прекрасные цветные и черно-белые иллюстрации руки Огато Гекко и Утагавы Кунасиды, встречается обилие прямой речи, причем все диалоги длинные и развернутые. Их разбивают рассуждения, например, Краба–сына о том, кто и почему убил его отца, размышления о его друзьях, которые помогут ему осуществить мечь. В каждой детали В.М.Мендрин подчеркивает своеобразие японского текста, но делает это таким образом, что читатель узнает много мельчайших подробностей о быте и культуре японцев. Кроме того, сам переводчик обладал богатым литературным русским языком, поэтому в его переводе встречаются прекрасные образцы как разговорной, так и литературной русской речи. Например, пословицы: «обезьянья мудрость: глубоко тонет, да мелко плавает»³².

Последовавший через сорок с лишним лет перевод талантливой переводчицы с японского Веры Николаевны Марковой (1907–1995) ос-

²⁹ Сайто 2016: 92–93.

³⁰ Сайто 2016: 87.

³¹ Мендрин, Садзанами Сандзин 2015: 20.

³² Вахромеева 2019: 85–88.

новывался на литературной обработке сказки японского фольклориста Сасаки Киндзена и носил название «Мечь краба»³³. Сказка представляла собой классическое двухчастное сказание³⁴. Она изложена на трех страницах, встречается много диалогов, но в них преобладают короткие фразы. К число главных героев (краб, обезьяна, молодой краб, ступка, каштан и оса) прибавляется новый – морская капуста. Переводчик не наделяет своих героев философскими качествами; они не размышляют про себя или вслух, они просто действуют. Она сконцентрирована на точной передаче сюжета японской сказки. В такой интерпретации сказка больше подходит для детей более нежного возраста (3–5 лет), поскольку концентрация внимания у малышей меньше, чем у детей 5–7 лет. В переводе В.Н.Марковой, когда друзья договариваются отомстить обезьяне, встречается фраза («Собрались вокруг него каштан, оса, морская капуста да ступка, и стали они совет держать, как отомстить обезьяне. Посоветовались и отправились в путь»), которая может быть переведена как пожелание хорошей и безветренной погоды³⁵. Перед текстом черно-белая иллюстрация, а в начале его – буква «Д», с которой начинается сказка: «Давным-давно жили по соседству краб и обезьяна...».

Над переводом сказки об обезьяне и крабе трудилась и крупный филолог-японист, автор словаря и самоучителя японского языка, переводчик Наталья Исаевна Фельдман-Конрад (1903–1975). Сказка вошла и в ее последнюю книгу «Веер молодости» в 1987 г.³⁶, впоследствии не раз переиздававшуюся.

Заметно отличающийся перевод сказки А.Р.Садовой получил название «Обезьяна и краб» (1988 г.³⁷ и 1994 г.³⁸). Переводчик переработала волшебную сказку таким образом, что она стала близка к авторской. Так, вместо хурмы, в ней говорится о персике (хотя именно плоды «каки» считаются в Японии почти священными). Сюжет крайне упрощен, а манера изложения напоминает русскую народную сказку («Думали они, думали, как наказать обезьяну, и наконец придумали»). Характеры обезьяны и краба не прописан, о них можно догадаться по характерной лексике, которую использует А.Р.Садова: «Схватила обезьяна рисовый колобок, мигом проглотила. А краб персиковую косточку сохранил, домой принес, весной в землю посадил». В середине текста («Обиделся краб и решил проучить обезьяну») сюжет

³³ Десять вечеров 2014. Журавлиные перья 2014.

³⁴ Мечь краба 1958: 35–37.

³⁵ Сайто 2016: 92–93.

³⁶ Веер молодости 1987.

³⁷ Обезьяна и краб 1988: 32–33.

³⁸ Обезьяна и краб 1994: 38–38.

сказки отличается от существующих японских текстов, что подтверждает авторскую манеру переводчика. В конце наступает неожиданная развязка: «Простил ее краб. А обезьяна хорошо запомнила этот урок и никого больше не обижала» – этот прием переводчика по адаптации фольклорного произведения лишил последнее первоначального смысла и идейной направленности.

Исследованием сказочных мотивов и сюжетов, и в том числе изучаемой «мукаси банаси», много лет занимается известный петербургский историк, археолог и этнограф, специалист по сравнительной морфологии Ю.Е.Березкин, который совместно с Е.Н.Дувакиным ведет большую работу по тематической классификации и распределению фольклорно-мифологических мотивов по ареалам, которая обновляется раз в год³⁹. В частности, Ю.Е.Березкин отмечает, что сказки, где двое животных (чаще обезьяна и черепаха, а у японцев – обезьяна и краб) договариваются собирать плоды, а после умеющее лазать животное ест плоды, сбрасывая спутнику кожуру или неспелые плоды, спутник же за это мстит (или мстят за него), встречаются часто на следующих ареалах: Меланезии, Микронезии, Индонезии, Филиппинах и в Японии⁴⁰.

Заемствование сказочных сюжетов у разных народов для Японии является устоявшейся традицией. Так, А.Г.Меновщиков в 1972 г., разбираясь с фантастическими представлениями людей первобытнообщинного общества, отмечал схожесть ряда сказочных сюжетов у эскимосов, юкагиров, японцев и вьетнамцев. Этнограф определил, что первоисточник каждой сказки связан с ее мифологическими истоками, а много вариантов сюжетов, в частности у японцев, может быть связано как с желанием сохранить его полные и ранние формы, так с усечением и расширением смыслового и структурного построения сюжета ради художественно-эмоционального эффекта, кроме того, не стоит забывать и об эволюции сказки, приспособившейся к новым историческим реалиям⁴¹.

Японская сказка об обезьяне и крабе в англоязычной традиции существует в виде «Battle of the Monkey and the Crab» («Сражения обезьяны и краба») и «The Quarrel of the Monkey and the Crab» («Ссоры обезьяны и краба»).

Японская волшебная сказка «Battle of the Monkey and the Crab» была переведена на английский язык в 1927 г. Т.Хасегавой и вышла

³⁹ Березкин, Дувакин.

⁴⁰ Березкин, Дувакин.

⁴¹ Меновщиков 1972: 52, 55.

в Токио⁴². Объем сказки 18 страниц. Размер издания 10x5 см. Иллюстрации в книге выполнены восьмью цветами (коричневым, зеленым, голубым, серым, красным, молочно-желтым, черным, белым) и их оттенками. В отличие от издания на японском языке 1925 г. (перевод Б.А.Вахромеева), в английской версии сказки иллюстрации выполнены в технике небольших цветных рисунков.

Главные герои (немногословный и воинственный царь крабов, хитрый и прожорливый царь обезьян, друзья Краба – Рисовая ступка, Толкушка, Пчела, Яйцо, а также скользкая Морская трава); второстепенные герои – многочисленные родственники Краба и соплеменники Обезьяны. Все герои отчетливо прорисованы, но не наделены антропоморфными чертами, как в сказке на японском языке 1925 г., что связано с более традиционным восприятием предметов англоязычными детьми.

«Мукаси банаси» «The Quarrel of the Monkey and the Crab» была переведена на английский язык в 1903 г. Ией Теодорой Одзаки в числе других 22-х старинных японских легенд и вышла в Нью-Йорке. Объем сказки 6 страниц печатного текста. Книга переиздавалась собирателем сказок в 1905 г., 1908 г. и последующие годы⁴³. Издание снабжено черно-белыми иллюстрациями. Переводчик мечтала познакомить с богатой японской культурой англоязычных детей, поэтому ее работа стоит также высоко, как и перевод В.М.Мендрина, предложившего юным русскоязычным читателям необычную японскую сказку.

Жанр обеих сказок – народные японские сказки со схожим сюжетом. Тема «Battle of the Monkey and the Crab»: мстительный краб наказал жадную обезьяну; в виде подтемы (мотива) выступает развязывание войны между животными из-за еды, а также единодушие крабов – кровных родственников, в деле мести царю обезьян. Главная тема «The Quarrel of the Monkey and the Crab»: наказание жестокой и хитрой обезьяны, не признавшей в убийстве простодушного краба; в качестве мотивов можно выделить преданность друзей краба–отца и сыновнюю любовь.

Идея первой сказки: месть крабов за оскорбление; второй – кровная месть крабов за убийство своего вождя. Обе идеи были понятны англоязычным читателям. Переводчики, занимаясь адаптацией текста, немного изменяли детали.

Композиция первой сказки: зачином сказки служит «однажды», завязкой – обмен семечки хурмы на поджаренный рисовый пирог, кульминацией – объявление войны и начало сражения крабов и обезьян,

⁴² Сражение Обезьяны и Краба 1927.

⁴³ The Japanese Fairy Book 1908.

развязкой – воплощение в жизнь плана мести, в котором приняли участие Рисовая ступка, Толкушка, Пчела, Яйцо и Морская трава, концовкой – разрывание крабами на куски царя обезьян.

Композиция второй сказки: зачином является «давным-давно», завязкой – обмен семени хурмы на рисовый шарик, кульминацией – убийство Обезьяной Краба из-за вкусной хурмы, развязкой – осуществление плана мести, в котором приняли участие Каменная ступка, Каштан и Пчела, концовкой – отсечение головы Обезьяны сыном – Крабом.

Японские сказки воспринимались в Европе и Америке как фантастические, странные и поражающие воображение. Задача переводчиков заключалась в использовании таких средств выразительности языка, которые были бы понятны англоязычным читателям (например, рядом с понятием «hibachi» Т.Хасегава указывает «poker», т.е. «кочерга», а И.Т.Одзаки разъясняет вид очага в доме крабов – «charcoal fire-place», т.е. «угольный камин»). Особым средством переводчиков выступают междометия, обращения (например, «pray», т.е. «молю, прошу») и восклицательные знаки в тексте (например, «bang!», т.е. «бац!»). При этом важно было передать основную сюжетную линию, мотивы же отмечались лишь те, которые были понятны англоязычным детям (например, наказание смертью за убийство отца или воздаяние за то, что горная обезьяна думала только о собственной выгоде, получаемой за счет других).

Сказку «Battle of the Monkey and the Crab» на английский язык переводил профессиональный японский переводчик Т.Хасегава, который поведал один из множества вариантов сказки об обезьяне и крабе. Его перевод отличался практически отсутствием прямой речи; она встречается только один раз, когда царь обезьян просит вождя крабов: «Молю, обменяй рисовый пирог на это семя хурмы». Отсутствие выражения волеизъявления героев от первого лица напоминает сказку 1925 г. (перевод Б.А.Вахромеева). Самым эмоциональным моментом «мукаси банаси» была фраза переводчика: «Обезьяна, не подозревая никакого заговора, взяла хибаси (кочергу), чтобы разжечь дремлющий огонь, когда бац! Яйцо, спрятанное в золе, обожгло Обезьяне руку»; она подчеркивает момент первого нападения на врага. В сказке не описан план мести. Между первой и второй частями сказки, в которых соответственно осуществляется расправа с крабом и далее расправа с обезьянами, вставлен эпизод о военных действиях между крабами и обезьянами, который выглядит искусственно.

Перевод двух вариантов сказки с английского языка на русский язык показал, что фольклорный источник был максимально адаптирован для англоязычных детей, чтобы они, познакомившись с иной

культурой, при желании поддерживали к ней свой интерес. В переводах была достигнута логическая и психологическая синхрония (взаимосвязь явлений, описанных на русском и английском языках).

В английских и русских текстах встречается больше схожих лексико-семантических единиц, чем различных, что связано с дословным переводом. Синонимы представлены словами и словосочетаниями (раздражительные и разгневанные или сердитые и злые крабы), часто встречающейся лексикой (семя хурмы, плод хурмы, сила, рисовый шарик) и эквивалентными словами («обезьяна, краб»). Разночтение встречается: в многозначных словах («пестик, дробилка, толкушка, предмет весом в один фунт»), а также необычной и редко встречающейся лексике (водоросли, поджаренный кусочек рисового пирога, кочерга и др.). В лексико-семантических группах слов обоих текстов антонимы встречаются меньше всего (например, молодой или маленький краб и старый краб).

Анализ английских текстов продемонстрировал различные виды адаптации сказочного материала: 1) в сказке («Battle of the Monkey and the Crab») логика повествования текста важнее, чем раскрытие характеров персонажей; 2) при этом в этой же сказке встречаются японские слова, которые были заимствованы для ознакомления детей с иностранной лексикой; 3) сказка «The Quarrel of the Monkey and the Crab» нарушает каноны адаптации тем, что сохраняет большое количество причастных, деепричастных оборотов, развернутых сложносочиненных и других конструкций, причем сделано это переводчиком для того, чтобы японская сказка, переведенная на английский язык сохранила свою высокую художественную ценность, а англоязычные дети смогли лучше выучить свой родной язык.

В Японии сказка имеет великое множество вариантов истолкования, но базовыми названиями считаются «力二の復讐» («Мечь краба») и «合戦力二サル» («Битва краба и обезьяны»), что согласуется с двухчастностью фольклорного произведения.

Японская волшебная сказка «Битва Краба и Обезьяны» (перевод Б.А.Вахромеева) была издана в Токио в 1925 г. на слоговой азбуке катакане на старо-японском языке. Объем детской книги 7 страниц. Размер издания 10x5 см. Печать осуществлена на гектографе. Книга сказок выполнена из бумаги («вагами» – японская бумага); сорт бумаги – «ториноко» («желтая бумага»), выделанная ручным путем из корней и коры кустарника гампи.

Особенности японского текста: не разделен на предложения, нет знаков пунктуации в привычном для европейцев понимании, а также заглавных букв. Читается и переводится справа налево и по вертикали сверху вниз.

Иллюстрации в книге – это цветные гравюры, выполненные восьмью цветами туши (красным, синим, коричневым, белым, оранжевым, черным, сиреневым и зеленым) при помощи хромоксилографии. Главные герои (доверчивый и трудолюбивый отец-краб, хитрая Обезьяна, справедливый сын-краб и верные друзья старого краба – ступка, каштан и оса) прорисованы в узнаваемой для детей технике – полуживотные и полулюди, что приводит в детской аудитории к правильным ассоциациям и не вызывает чувство страха или гнева, но способно вызывать чувство сострадания и справедливости. Также и места действия сказки – в предгорье на равнине у жилища крабов и в лесу, где жила обезьяна – узнаваемы с детства каждому японцу.

Жанр сказки – волшебная японская сказка (по Сузо Ивая и В.Я.Проппу) или народная сказка о животных (по А.Н.Афанасьеву), или сказание этического характера (по В.М.Мендрину). Тема: наказание жестокой, алчной и хитрой Обезьяны, не признавшей в убийстве простодушного Краба. В виде мотивов можно выделить: трудолюбие краба-отца, преданность его друзей, любовь краба-сына.

Идея первая: подробное изложение благородного дела мести. В японской традиции при оскорблении (или поражении) месть является благородным делом, при помощи которого можно очистить свое имя. Поэтому этическая основа переведенной сказки, помимо качества трудолюбия (когда Краб ухаживал за деревом «каки» или хурмы), верности старинных друзей (которые совместно выработали план мести) и любви сына, сообщает о добродетельном и справедливом способе смыть с себя оскорбление мезтью.

Известная американская культуролог и этнопсихолог Рут Бенедикт (1887–1948) в 1946 г. на основе многолетнего изучения японской национальной психологии выпустила книгу «Хризантема и меч: Модели японской культуры», в которой писала, что японская нация более всего на свете ценит чистоту духовную и телесную, а ненавидит грязь. Считается, что только человек способен осквернить самого себя, а не сказанное о нем. В мести для японцев заключается то, что приводит к чувству справедливости. Японская мудрость гласит, что «при известных обстоятельствах даже убийцу можно простить, но насмешку извинить нельзя»⁴⁴. Не случайно в конце сказки маленький краб, горячо любивший и почитавший своего убитого отца, щелкая клешнями над годовой обездвиженного врага, спрашивает лицемерную обезьяну сознается ли она в своем преступлении. И только тогда, когда обезьяна продолжает препираться и не сознается в содеянном, краб-сын вершит правосудие – он очищает доброе имя отца от лжи.

⁴⁴ Бенедикт 2004: 2372–239.

Идея вторая: сговор старых друзей краба по отмщению его чести во второй части сказки связан с ожиданием безветренной погоды, ведь она считалась редкостью на Японском архипелаге с незапамятных времен (в японском языке существует более двух тысяч наименований ветра). Древним замыслом сказки было ожидание восстановления хорошей погоды, поэтому фразу «съеден «Они»» (злым духом) К.Сайто переводит как «погиб из-за стихийного бедствия»⁴⁵. Этот мотив был почти утрачен со временем даже в Японии, а массовые фольклорные источники сохранили лишь мотив японской благодной местности.

Композиция: зачином сказки служит «мукаси» (в стародавние времена), завязкой – семя «каки», которое посадил краб, кульминацией – убийство обезьяны краба из-за сочной и спелой хурмы, развязкой – воплощение в жизнь плана мести, в котором приняли участие ступка, каштан и оса, концовкой – отсечение головы обезьяны сыном-крабом.

Первая часть сказки об обезьяне и крабе имела четкую границу, каким бы изменениям не подвергался ее сюжет. В ней никогда не шла речь о том, почему лицо обезьяны стало красным. К.Сайто связывает это с тем, что некогда существовали еще более древние сказки, которые были самостоятельными, но до наших дней они не дошли, а их элементы включены в сохранившиеся фольклорные источники. Розовое (красное) лицо, как и розовые (красные) ягодицы обезьяны, а также длинные волосатые клешни желтого краба объясняет одна из версий сказки об обезьяне и крабе. В ней говорится о том, что обезьяна не смогла отобрать у краба хурму, он спрятался в нору, и только обезьяна собралась нагадить в нее, как краб выставил клешни и выстриг в нескольких местах шерсть обезьяне.

Языковые средства выразительности, наглядные образы, эмоциональное состояние и яркость образов героев в переведенной японской сказке не сопоставимы со средствами выразительности переводов «мукаси банаси» на английском и русском языках. Знакомство с прекрасной, яркой детской книжкой способствовало закреплению детьми родного языка и сохранению многовековых этнологических традиций японского общества.

В японской версии сказки представлено простое повествование. Прямая речь встречается лишь один раз, когда краб просит обезьяну достать с прекрасного дерева спелую хурму для него: «Достань мне хурму [с дерева]». Более эмоциональным моментом и одновременно созерцательным является описание дерева «каки», что свидетельствует об особом отношении японцев к природе: «Однажды осенью хурмовое дерево, которое стало совсем большим, стало приносить

⁴⁵ Сайто 2016: 92–93.

вкусные плоды». Все, что связано с планом мести и его воплощением, напротив, описывается сухо, хотя с вниманием к деталям: «Каштан поджег», «Оса укулола», «Ступка привалила», «молодой Краб смог сразить».

Помимо главных героев, большую роль играют антропоморфные животные и предметы, каждый из которых был наделен определенными качествами и свойствами. Через знакомство с последними японские дети получали возможность лучше понимать не столько назначение бытовых предметов, сколько разбираться в их происхождении. Согласно синтоистским поверьям, человек после смерти становится «ками», божеством, которое может покровительствовать единичному предмету или целой их сфере. С детства японских детей учат не обижать природу, ведь можно обидеть «ками», который окажется духом твоего предка. «Ками» сопровождают человека повсюду и всегда. Японские сверхъестественные существа – это герои народной демонологии, обитают вне жилых построек (в горах, лесу, реке, море) и как часть природы заслуживают защиты и снисхождения.

Демонологических существ в японской культурной традиции великое множество. Для краткого ознакомления с ними необходимо коснуться их классификации (одной из многих, по методу А.Н.Бибика). Данная классификация основана на двух группах персонажей. Первая – обитатели потустороннего мира («юрэй»), берущие начало от «души», «духа». Вторая – призраки, приведения («екаи»), идущие от «волшебного, чудесного, загадочного». Духи локализуются пространственным образом (духи воды – мицу-но каи; духи гор – яма-но каи; духи дома – ия-но каи; дух дорог – мити-но каи) или соотносятся с явлением природы (духи снега – юки-но каи; духи звука – ото-но каи; духи огня – хи-но каи)⁴⁶.

По мнению крупного исследователя сказки В.Я.Проппа, когда антропоморфные существа (предметы) приобретали имена (Ступка, Пчела/Оса, Каштан, Морская трава и др.), т.е. их начинали писать с заглавной буквы в тексте, одновременно они получали силу и в человеческом образе, и в образе растения, животного и предмета⁴⁷. В сказках на японском языке все герои представляют такой переходный тип. Это воплощение архаической формы традиционной культуры. Так, каменная ступка – это воплощение принципов, тот, на кого можно положиться в любой ситуации, верный товарищ и прекрасный организатор, вместе с тем ступка всегда знает свое место (иногда ей помогает толкушка). Японский трехчастный каштан – хороший и меткий

⁴⁶ Бибик 2014: 478–479.

⁴⁷ Пропп 2001: 26–27.

стрелок, а пчела (или оса) прекрасно управляется с пикой, нанося точные уколы. Водоросли также небесполезное растение, они влажные, скользкие и знают, где надо прилечь, чтобы злодей поскользнулся (иногда их заменяет понос). Коровьи лепешки – это не только удобрение и топливо, но могут быть на месте водорослей.

Старо-японский текст содержит много глаголов, которые важны не только своими лексическими формами и значениями, известно, что они составляют основу японского языка, также они отличаются многозначностью перевода, при этом смысл некоторых уже утрачен. В оригинальном и переводном текстах встречается больше схожих лексико-семантических единиц, чем различных, что связано с почти дословным переводом. Схожие слова и словосочетания относятся к синонимам (семя/семечко, досадовать/огорчаться), часто встречающейся лексике (однажды, враг или имена сказочных героев) и эквивалентным словам (битва, враг отца). Разнотение отмечается: в многозначных словах (ступка/жернов, вкусная вещь), а также необычной и редко встречающейся лексике (очень, благополучно, кусочек каштана). В лексико-семантических группах слов обоих текстов антонимы встречаются меньше всего. Обобщая, можно констатировать, что последовательный и дословный перевод позволяет достичь логической и психологической синхронии, т.е. взаимосвязи явлений, описанных на разных языках.

Анализ оригинального текста сказки «Битва Краба и Обезьяны» выявил дополнительную направленность фольклорного материала по запоминанию японскими детьми: 1) наименований сказочных героев (предметов) и связанные с ними образы и характеристики, 2) этапов сельскохозяйственного цикла возделывания и произрастания хурмы, 3) конструкций японских глаголов. При чтении русского перевода японской сказки, благодаря вышеупомянутым особенностям, российские дети знакомятся с новым форматом фольклорного произведения.

Японские сказки отражают реальные события, но за века истории сами события стали неузнаваемы. Изучение изменений сюжетов и мотивов «мукаси банаси» об обезьяне и крабе позволяет выяснить их эволюцию от первоначальной борьбы за еду до повествования о мести краба обезьяне, соотносящейся с японским обычаем добродетельной мести и социальной напряженностью в обществе эпохи феодализма.

Сюжет волшебной сказки об обезьяне и крабе – развитие действия или ход событий в «мукаси-банаси». Сюжет простой, двухчастный и имеет множество вариантов. С точки зрения этики японцев сюжет позволяет проследить причинно-следственные связи, когда добрые или злые герои проходят те или иные испытания во имя утверждения справедливости и праведности.

Сказочные мотивы – важный содержательный элемент фольклорного текста, который можно выделить формально. Он может быть темой, идеей, образом, словом, предметом, персонажем или художественной деталью. Но при его отсутствии исчезает понимание основной концепции сказки. Таким образом, мотив – это самая простая художественная единица, часто повторяемая, необходимая для повествования. Необходимо помнить, что «мотив может быть изучаем только в системе сюжета, а сюжеты могут изучаться только в их связях относительно друг друга»⁴⁸.

Основными элементами сюжета первой части сказки выступают: находка семечка каки, обмен (или без него); краб растит дерево хурмы восемь лет, просит обезьяну достать ему спелый плод, та из жадности забывает его незрелыми плодами. Молодой краб с друзьями отца решается на месть.

Середина «культуры яиц» (400 г. до н.э.) связана с появлением японской культуры и является переходом от собирательства к земледелию. Поэтому крупный японский этнолог Янагида настаивал на первичности сюжета о рисовых шариках (эпоха земледелия), а Сайто отдавала первенство собирателям, т.е. хурме. Гибель краба – это конфликт двух хозяйственных форм деятельности человечества. По Сайто, хотя краб и поливал, и удобрял дерево хурмы, он проиграл обезьяне, но не как земледелец, а как существо, которое умеет передвигаться только по-крабьи, т.е. в бок. Явный собиратель, сильная и ловкая обезьяна, которая наделена такими качествами как жадность, прожорливость и жестокость, вышла победителем только потому, что прекрасно умела лазать вверх и вниз по деревьям. Исследовательница считает, что культура собирателей преобладала над культурой земледельцев, что и отражено в мотиве сказки⁴⁹.

Профессор В.Я.Пропп считал, что вертикальное перемещение (что свойственно обезьяне) связано с познанием объективных истин (поэтому часто в сказке обезьяну называют мудрой и умной), а движение по горизонтали (как перемещался краб) соотносится с воображаемой границей между миром живых и мертвых и связано с дарованием необыкновенных возможностей и глубокого понимания сути явлений (например, благородным отмщением за смерть отца)⁵⁰. Кроме того, ученый считал, что именно перемещения в сказке главных героев способны повлиять на самые необычные трансформации сказочных сюжетов⁵¹.

⁴⁸ Пропп 1996: 19–20.

⁴⁹ Сайто 1994: 67.

⁵⁰ Бену 2011: 25.

⁵¹ Пропп 1976: 165–166.

Переводчики В.М.Мендрин и И.Т.Одзаки в своих художественных переводах с японского уделяют много внимания умению обезьяны лазать по деревьям и крабьему бегу.

Также Сайто упоминает о мотиве магической силы краба, который грозит семени хурмы: «Скорее выпусти побег, не то вырежу тебя» (в рассмотренных текстах этот сюжет встречается только у В.Н.Марковой). Здесь речь идет о важности календарного обряда, например, восемь лет растет дерево хурмы и только после этого осенью начинает плодоносить, а, чтобы любимых японцами плодов было много (долгое время хурма заменяла им сахар), в новогоднюю ночь перед деревом встают два человека, один изображает из себя дерево, а второй угрожает ему топором⁵².

Основная часть японских сказок возникла из мифов. По мнению профессора Е.М.Пинуса, «миф в сказке позволяет более вольное с собой обращение», что в свою очередь порождает неподдающееся учету количество вариантов прочтения сказок народными японскими сказителями, впоследствии записанных японскими этнологами разных времен. Вплетение в более ранние сюжеты сказок более поздних сюжетов может быть связано как с политическими оправданиями, социальными изменениями или чем-то иным, так и с изменением культурной традиции в целом, что было характерно для средневековой Японии⁵³.

SUMMARY

Transformation of Plots and Motifs of the Japanese Fairy Tale about the Monkey and the Crab Based on a Comparative Analysis of the Translations of «Mukashi Banashi» from the Original Language into Russian and English

by *O.B.Vakhromeeva* (Saint-Petersburg)

The study focuses on the transformation of fairy tales and motives of Japanese versions of “mukashi banashi” from the initial struggle for food (persimmon and rice cake), which was associated with the transition from the period of gathering to agriculture in the 5th century, to the story of the revenge of the crab monkey, correlated with the Japanese the custom of virtuous revenge and social tension in the society of the era of feudalism. In addition, a comparative analysis of translations of “mukashi banasi” from the original language into Russian and English demonstrates a change in plots and motives in order to adapt a monument of another folk culture to

⁵² Сайто 1994: 68.

⁵³ Пинус 1967: 329–330.

national rituals, beliefs and ideas of the peoples of Russia and English-speaking peoples. A fairy tale serves as a kind of folklore marker, as well as a means of the most complete expression of the basic ideas of folk culture, which makes it possible to retransmit actual traditional folk performances into modern times, including with the aim of forming new artistic values. This approach resembles a universal mechanism that supports national individuality, and “mukashi banashi” is one of the objects of preserving the cultural memory of the Japanese people already in the 21st century.

БИБЛИОГРАФИЯ

Акутагава – *Акутагава Р.* Сражение обезьяны с крабом / Пер. Л.М. Ермаковой / MIUKI MIKADO • Виртуальная Япония // <http://miuki.info/2017/04/gyunoske-akutagava-srazhenie-obezyanu-s-krabom/> (дата обращения 19.08.2020).

Бенедикт 2004 – *Бенедикт Р.* Хризантема и меч: Модели японской культуры / Пер. с англ. М.Н.Корнилова, Е.М.Лазаревой, В.Г.Николаева. М., 2004.

Бену 2011 – *Бену А.* Символизм сказок и мифов народов мира. Человек – это миф, сказка – это ты. М., 2011.

Березкин, Дувакин – *Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог // <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (дата обращения 21.09.2020).

Бибик 2014 – *Бибик А.Н.* Японская и славянская народная демонология: компаративный анализ (на примере сравнения образов Бабы-Яги и Ямамба) / История и культуры традиционной Японии 7. *Orientalia et classica: Труды института восточных культур и античности РГГУ.* Вып. LII / Под ред. И.С.Смирнова. М., 2014. С. 477–479.

Битва Краба и Обезьяны 1925 – 戦合力ニサル [Битва Краба и Обезьяны]. 東京 [Токио], 1925 (на японском языке).

Битва Краба и Обезьяны 1893 – 戦合かにさる [Битва Краба и Обезьяны]. 東京 [Токио], 1893 (на японском языке).

Битва Краба и Обезьяны 1924 – 戦合かにさる [Битва Краба и Обезьяны]. 東京 [Токио], 1924 (на японском языке).

Битва Обезьяны и Краба 1887 – Battle of the Monkey and the Crab [Битва Обезьяны и Краба]. Токуо, 1887 (на английском языке)

Вахромеева 2019 – *Вахромеева О.Б.* Отечественная историография японских волшебных сказок и классификация «мукаси банаси» В.М.Мендрина // Россия и мир в новое и новейшее время – из прошлого в будущее: Материалы XXV юбилейной ежегодной международного научной конференции. В 4 т. Т. 1. СПб., 2019. С. 84–90.

Веер молодости 1987 – Веер молодости. Японские сказки / Пер. Н.И.Фельдман. Хабаровск, 1987.

Десять вечеров 2014 – Десять вечеров. Японские народные сказки / Под ред. Л.М.Суриса. Пер. с яп. В.Н.Марковой. М.; Берлин, 2014.

Журавлиные перья 2014 – Журавлиные перья. Японские народные сказки / Пер. В.Марковой. Вступит. ст. («Путешествие в Страну восходящего солнца») и прим. О.Афанасьевой. М., 2014.

[К. Вл.] 1904 – [К. Вл.] История открытия Японии и сношений ее с европейцами // Энциклопедический словарь / Под ред. Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. СПб., 1904. Т.XLI А. С. 766–769.

Коллекции Нью-Йоркской Публичной библиотеки Коллекции Нью-Йоркской Публичной библиотеки. Открытый доступ / <https://archive.org/details/newyorkpubliclibrary?&sort=-downloads&page=3>; Коллекция японских волшебных сказок / <https://archive.org/details/japanesefairytales01no5thom> (дата обращения 15.04.2019).

Кунио 1939 – *Кунио Я.* Заметки о сказке «Обезьяна и краб». Токио, 1939 (на японском языке).

Кэйго 1941 – *Кэйго С.* О сказке «Обезьяна и краб». Токио, 1941 (на японском языке).

Кэйго 1957 – *Кэйго С.* Нихон-но мукаси банаси. Токио, 1957 (на японском языке).

Махира 1980 – *Махира Ю.* Сборник статей К.Сэки. Токио, 1980 (на японском языке).

Мендрин, Садзанами Сандзин 2015 – *Мендрин В.М.* Предисловие // Садзанами Сандзин. Сказания Древней Японии / Пер. с яп. и предисл. В.М.Мендрина. Переизд. М, 2015.

Меновщиков 1972 – *Меновщиков А.Г.* Об одном сходном сказочном сюжете у эскимосов, юкагиров, японцев и вьетнамцев // Страны и народы Востока. Вып. XIII. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн.2. М., 1972. С. 52–55.

Месть Краба 1938 – *The Crab's Revenge* [Месть Краба]. Tokyo, 1938 (на английском языке).

Месть краба 1958 – *Месть краба* / Пер. В.Н.Марковой. М., 1958. С. 35–37.

Мещеряков 2017 – *Мещеряков А.Н.* Этнолог Янагита Кунио: долгий путь к признанию / Ежегодник Японии. М., 2017. С. 223–259.

Обезьяна и краб 1988 – *Обезьяна и краб* / Пер. А.Р.Садоковой / Сказки народов Азии / Сост. Н.И.Никулин. Т.3. М., 1988. С. 32–33.

Обезьяна и краб 1994 – *Обезьяна и краб* / Пер. А.Р.Садоковой // Поле заколдованных хризантем. Японские народные сказки. М., 1994. С. 38–39.

Пинус 1967 – *Пинус Е.М.* Японский миф о рыбаке и охотнике (по древнейшему памятнику «Кодзики». VIII в.) // Историко-филологическое исследование: Сборник статей к 75-летию академика Н.И.Конрада / Под ред. М.В.Храпченко. М., 1967. С. 325–330.

Пропп 1976 – *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность: Сборник статей. М., 1976.

Пропп 1996 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1996.

Пропп 2001 – *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки / Комм. и под ред. И.В.Пешкова. М., 2001.

Сайто 1994 – *Сайто К.* Сравнительное исследование японской сказки «Обезьяна и краб» с вариантами других народов // Язык – миф – культура

народов Сибири: Сборник научных трудов. Вып.3. Якутск: ЯГУ, 1994. С. 62–78.

Сайто 2016 – *Saito K.* Магическая функция японской сказки «Мечь воробьихи» в сопоставлении со сказками народов Северо-Восточной Азии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016 № 2 С. 87–93.

Сражение Обезьяны и Краба 1927 – *Battle of the Monkey and the Crab* [Сражение Обезьяны и Краба]. Токуо, 1927 (на английском языке).

The Japanese Fairy Book 1908 – The Japanese Fairy / Comp. I. T. Ozaki. New-York, 1908 (на английском языке).

С 45 **Scripta antiqua**: Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры : альманах / [гл. ред. М. Д. Бухарин] ;
Международ. ин-т античного мира. — Москва : Собрание , 2011— . —
ISSN 2221-9560 . — ISBN 978-5-9606-0113-9.
Т. 9. — 2021. — 498 с. — ISBN 978-5-9606-0186-3 (Т. 9).

Девятый том альманаха «Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры» предлагает читателям широкий спектр публикаций по истории древнего, эллинистического и средневекового Востока, исследований по истории античной цивилизации в Северном Причерноморье. Тематика исследований, представленных в данном томе, в сравнении с предыдущими расширена за счет работ в области истории мировой культуры, а также рецензий. На страницах альманаха также публикуются результаты изучения истории науки, в том числе рецепции античной культуры в Новейшее время. Впервые на русском языке издан перевод фрагментов работ Гекатея Милетского.

Публикации, представленные на страницах альманаха, предназначены для специалистов — историков, филологов, искусствоведов, культурологов, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой мировых цивилизаций.

На обложке: Посвящение коллегии ситонов *IOIb 72*

Учредитель — Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом «Любимая Россия»»
121471, Москва, ул. Рябиновая, 45

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-44032 от 22 февраля 2011 г.

Редакция — Автономная некоммерческая организация научно-исследовательский центр «Международный институт античного мира»
Адрес редакции: 117519, Москва, ул. Кировоградская, 15
Тел. +7 (495) 389-68-66, 389-68-88

Издатель — Общество с ограниченной ответственностью
«Издательство «Собрание»» 121471, Москва, ул. Рябиновая, 45
Тел. +7 (495) 389-69-00 [http:// www.lubimayarossia.ru](http://www.lubimayarossia.ru)

Подписано к печати 23.01.2021 г.
Формат 60 × 90/16. Усл. печ. л. 30,50.
Тираж 50 экз. (первый завод). Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
диапозитивов в ООО «Красногорская типография»
143405, Московская обл., г. Красногорск, Коммунальный квартал, 2